

ПРОЛОГ

У меня есть особый талант — не актерский, не музыкальный, не к танцам или еще к чему-то столь же изящному. Я всегда умела учиться. Могла выучить все что угодно — быстро и без особых усилий. Как будто школа была специальным механизмом, а я — идеально подходящей шестеренкой. Впрочем, не могу сказать, что учение всегда давалось мне легко. Когда мы с Ма переехали в США, я знала всего несколько слов по-английски, и пришлось немало побороться, чтобы заговорить.

Китайская пословица гласит: нашей жизнью управляют ветры судьбы, вынуждая следовать в определенном направлении. Люди с сильной волей могут противостоять буре и выбирать собственную дорогу, в то время как слабые вынуждены идти туда, куда их гонит ветер. Так вот моей судьбой управлял не ветер, ею управляли собственные решения. Всю жизнь мне хотелось иметь то, чего у меня не было. И в тот момент, когда мечта, казалось, превращалась в реальность, возникало новое решение, радикально менявшее жизненную траекторию.

Отсюда, с улицы, сквозь витрину магазина для новобрачных, мне видна маленькая девочка, тихонько сидящая у ног манекена, — глаза зажмурены, тяжелые складки ткани почти скрывают ее, и я думаю: «Нет, не такой жизни я хотела бы для своего ребенка». Сегодня я знаю, что будет дальше. Уже сейчас она проводит в магазине все время после школы, помогает по мелочам — перебирает бусины; потом научится шить, вручную и на машинке, и тогда ей доверят вышивку и окончательную отделку, и в итоге все дни напролет она станет просиживать, скрючившись над бесконечными ярдами ткани. Не будет у нее ни вечеринок у подружек, ни уроков плавания, ни лета на пляже, вообще ничего, кроме неумолимого стука швейной иглы.

Но тут мы обе поднимаем глаза, потому что входит ее отец, и все, казалось бы, забытое вновь просыпается во мне, и сердце раненым зверьком мечется в груди.

Интересно, я тоже была такой хорошенькой? У нас практически не сохранилось моих детских фотографий, мы не могли позволить себе фотоаппарат. Первый американский снимок — школьное фото того года, когда я приехала в Америку. Мне было одиннадцать. Потом в жизни наступил момент, когда хотелось забыть о прошлом, и я разорвала фотографию на мелкие кусочки. Но почему-то не выбросила их, а сунула в конверт.

Недавно мне попался этот конверт. Я стерла с него пыль, раскрыла, потрогала неровные края обрывков. Это — мочка уха, а вот это — часть подбородка. Тогда, помню, мама меня подстригла,

пряди слишком короткие и разной длины, челка закрывает правую половину лба, как у мальчишки. Лицо и часть голубой нейлоновой рубашки пересекает надпись: ОБРАЗЕЦ. Мы не могли заплатить за настоящую фотографию и поэтому сохранили эту. Нам ее прислали по почте.

Но когда я собираю разрозненные кусочки, в сложенном пазле появляются мои глаза, твердо глядящие в объектив, и в этом взгляде трудно не заметить надежду и честолюбие. Если б я только знала...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Тротуар был покрыт тающей коркой льда. Я пристально разглядывала свои резиновые сапожки — вот носок скользит по льду, вот лед превращается в мелкие осколки под моим каблуком. Известный мне лишь по маленьким искусственным кубикам в напитках, здешний лед был живым — именно он был хозяином городских улиц и зданий.

— Нам очень повезло, что освободилось местечко в одном из домов Мистера Н., — объявила Тетя Пола, едва мы подъехали к своему новому жилищу. — Вам, конечно, придется привести его в порядок, но, знаете, при нынешней дороговизне на жилье в Нью-Йорке это очень даже дешево.

Я с трудом могла усидеть в машине, вертела головой во все стороны, пытаясь разглядеть небоскребы. Но что-то ни одного не встречалось. Мне страстно хотелось увидеть тот Нью-Йорк, о котором я слышала в школе, — Мин-Хат-Тон, сверкающие магазины, а больше всего — статую Свободы, гордо возвышающуюся над Нью-Йоркским заливом. По мере нашего движения дороги превращались в невероятно широкие авеню, уходящие

в бесконечность. Здания становились все грязнее, все чаще встречались разбитые окна и какие-то английские надписи, нарисованные краской прямо на стенах. Еще несколько поворотов. Мы проезжаем мимо людей, стоящих, несмотря на ранний час, в длинной очереди, а потом Дядя Боб останавливается у трехэтажного дома с заколоченной витриной на первом этаже. Я подумала, что мы притормозили только на минутку, по какому-нибудь делу, но тут все принялись выбираться из машины на обледеневший тротуар.

Перед закрытой дверью с непонятной надписью «Отдел социальной службы» стояла длинная очередь. Почти все были чернокожими. Я никогда прежде не видела черных. У женщины, стоявшей ближе других ко мне, кожа была просто смоляной, а в пышных волосах сверкали золотые бусинки. На ней было поношенное тоненькое пальто, но она тяжело дышала, как будто ей было душно. Кое-кто был одет прилично, но в основном все были неопрятные и неряшливые, с мутными глазами и невымытыми волосами.

— Не пялься на них, — прошипела мне Тетя Пола. — Не надо привлекать к себе внимание.

Я отвернулась. Взрослые уже выгрузили наши немногочисленные пожитки, которые громоздились теперь у заколоченной витрины, — три чемодана, мамина скрипка в футляре, несколько свертков, обернутых в крафтовую бумагу, и швабра. Перед входной дверью была большая лужа.

— Что это, Ма?

Она наклонилась пониже, разглядывая.

— Не наступайте, — раздался сзади голос Дяди Боба. — Это моча.

Мы поспешно отскочили назад.

— Все будет нормально. — Тетя Пола ободряюще похлопала Ма по плечу, но звучало это не очень убедительно. Ей было явно неловко перед нами. — Из вашей квартиры совсем недавно съехали жильцы, и я ее пока не видела, но помните, если возникнут проблемы, мы их сразу же уладим. Вместе. Потому что мы одна семья.

Ма вздохнула и погладила тетину руку:

— Хорошо.

— А у меня для вас сюрприз. Вот! — Тетя Пола вернулась к машине и вытащила коробку, в которой лежали несколько простыней, радиоприемник с будильником и маленький черно-белый телевизор.

— Спасибо, — сказала Ма.

— Не за что, что ты, — замахала руками Тетя Пола. — А теперь нам пора. Мы уже опаздываем на фабрику.

Они отъехали, а Ма все возилась с ключами, тяжелая дверь, казалось, сопротивлялась натиску. Наконец Ма удалось справиться с замком, дверь распахнулась, и голая электрическая лампочка тускло замерцала в проеме, подобно одинокому зубу в темной пасти. Потянуло сыростью и запахом пыли.

— Ма, — прошептала я, — здесь точно не опасно?

— Тетя Пола не поселила бы нас в опасном месте. — Однако в ее голосе прозвучала нотка со-

мнения. Когда Ма нервничала, в ее обычно чистом кантонском диалекте проскальзывали интонации, выдававшие ее провинциальное происхождение. — Подай-ка щетку.

Пока я втаскивала наши вещи в узкий коридор, Ма ловко размахивала щеткой, выметая грязь с лестницы.

— Стой там, придерживай дверь, чтоб не захлопнулась, — распорядилась она. Ма не хотела, чтобы я бросилась ей помогать.

Я смотрела, как она карабкается по деревянной лестнице, и сердце мое колотилось где-то у самого горла. Покосившаяся лестница казалась ненадежной. Я боялась, что какая-нибудь ступенька вдруг вылетит и Ма покатится вниз. Она скрылась за пролетом, и я слышала лишь скрип ступеней. Я оглядела кучку наших вещей, прикидывая, что можно использовать в качестве оружия. В крайнем случае я смогу громко завизжать и броситься ей на помощь. В голове промелькнули образы моих гонконгских одноклассников, Жирного Вога и Длинного Лэма. Была бы я такая здоровенная, как они! Над головой раздались шаги, щелкнул замок, застонали половицы. Это Ма или кто другой? Я напряглась в ожидании крика или звука удара. Тишина.

— Поднимайся, — донесся ее голос. — Можешь прикрыть дверь.

Ноги у меня подкосились, будто из них выпустили воздух. И я взбежала по лестнице в нашу новую квартиру.

— Не прикасайся ни к чему, — предупредила Ма.

В кухне свистел ветер, словно оба окна были нараспашку. Странно, зачем Ма пооткрывала окна. Но окна были закрыты. Просто подоконник почти отсутствовал, а из деревянных рам торчали грязные осколки. Толстый слой пыли покрывал маленький кухонный столик и выщербленную раковину. Я старалась не наступать на хрустящие тельца дохлых тараканов, устилавшие пол по всей кухне. Тараканы были огромными и в полумраке выглядели особенно мерзко.

Из кухни шла дверь в ванную, и она располагалась точно напротив плиты, хотя даже младенцу понятно, что это плохо с точки зрения фэн-шуй. Кусок темно-желтого линолеума между раковиной и холодильником отсутствовал, обнажились кривые половицы. Стены где-то потрескались, а где-то странно вздулись, будто проглотили что-то; краска местами облупилась и висела хлопьями, выставляя напоказ штукатурку — словно плоть под содранной кожей.

К кухне примыкала еще одна комната, и двери между ними не было вовсе. Входя в комнату, я краем глаза заметила, как по стене медленно движутся бурые пятна — живые тараканы. В стенах, должно быть, обитали еще и мыши, а может, и крысы. Я выхватила из рук Ма швабру, перевернула и постучала рукояткой по полу.

— А-Ким, — встревожилась Ма, — там же соседи.

Я промолчала, хотя подозревала, что в этом здании мы — единственные жильцы.

Окна комнаты выходили на улицу, и подоконники здесь были целыми. Видимо, Тете Поле пришлось их починить, чтобы не срамиться перед нами. В комнате было пусто, но стоял застарелый запах пота. В углу валялся изношенный матрас — в сине-зеленую полоску и весь в пятнах. Из мебели имелись крошечный колченогий кофейный столик, за которым я буду позже делать уроки, и комод, краска с которого осыпалась, точно перхоть. И все.

Я подумала, что Тетя Пола сказала неправду, в этой квартире давным-давно никто не жил. Мне все стало понятно. Она специально так сделала — заставила нас переехать в будний день, а не в выходные, вручила подарки в самый последний момент. Хотела бросить нас здесь одних, а фабрика просто была предложением, чтобы поскорее смыться, пока мы будем рассыпаться в благодарностях за ее доброту. Тетя Пола вовсе не собиралась нам помогать. Мы остались одни.

Я крепко обхватила себя обеими руками.

— Ма, я хочу домой.

Ма наклонилась, прижалась лбом к моему лбу. Она заставила себя улыбнуться, но в глазах стояло напряжение.

— Все будет хорошо. Ты и я, мама и детеныш, мы двое — семья.

Но что Ма думала на самом деле, я не знала, — моя Ма, которая протирала салфеткой чашки и палочки в каждом ресторане, куда мы ходили,

потому что не была уверена в их чистоте. Думаю, после того, как она увидела квартиру, для Ма тоже кое-что прояснилось в отношении Пола — что-то истинное, скрытое под маской вежливых бесед.

Первую неделю в США мы с Ма прожили в доме Тети Пола и ее семейства на Стейтен-Айленд.

В тот вечер, когда мы прилетели из Гонконга, было холодно, но в доме стояла такая жара, что горло пересыхало. Ма не виделась с Тетей Полой, своей старшей сестрой, тринадцать лет — с тех пор, как та вышла замуж за Дядю Боба, жившего в Америке с детства. Рассказывали, что Дядя Боб управляет большой фабрикой, и я всегда удивлялась, зачем такому богатому человеку искать жену в Гонконге. Теперь, увидев, как он ходит с палочкой, я поняла, что у него, вероятно, проблемы с ногами.

— Ма, когда мы будем есть? — Китайский моего кузена Нельсона был ужасен, интонации неправильные. Ему, наверное, из-за нас велели говорить по-китайски.

— Скоро. Сначала поцелуй свою сестренку. Поздравь с прибытием в Америку, — велела Тетя Пола.

Она взяла за ручку трехлетнего Годфри и подтолкнула Нельсона вперед. Нельсону было одиннадцать, как и мне, и предполагалось, что он станет моим лучшим другом. Я внимательно рассматривала жирного мальчишку на тоненьких ножках. Нельсон театрально закатил глаза.

— Добро пожаловать в Америку, — громко произнес он, на радость взрослым. Наклонился ко

мне, делая вид, что целует в щеку, а сам тихонько прошептал: — Ну, ты, грязная деревенская ко-черга!

Тупой, неотесанный мужлан. Странно, но на этот раз интонации были идеальными.

Я покосилась на Ма, но она ничего не слышала. На миг оторопев от такого хамства, я почувствовала, как кровь бросилась мне в лицо, но тут же улыбнулась и чмокнула его в ответ, шепнув в ухо:

— По крайней мере, я не похожа на картофе-лину на спичках.

Взрослые сияли.

Нам показали дом. Ма говорила, что в Америке мы будем жить у Тети Полы и помогать с детьми, Нельсоном и Годфри. Дом показался мне просто роскошным: повсюду оранжевое ковровое покрытие, а не просто бетонный пол, к которому я привыкла дома. Следуя по пятам за Тетей Полой, я обратила внимание, какая она большая, почти одного роста со своим мужем. Ма, похудевшая после недавней болезни, рядом с ней казалась совсем крошечной и хрупкой, — впрочем, об этом было слишком тяжело думать. Раньше мне никогда не разрешали ходить босиком, и я замирала от восторга, ощущая приятную колкость ковров.

Тетя Пола показывала мебель, гардероб, пол-ный белья, но больше всего меня поразила горячая вода, свободно текущая из кранов. Никогда в жизни я такого не видела. В Гонконге с водой проблемы. У нас всегда была только холодная, и для питья ее приходилось кипятить.